

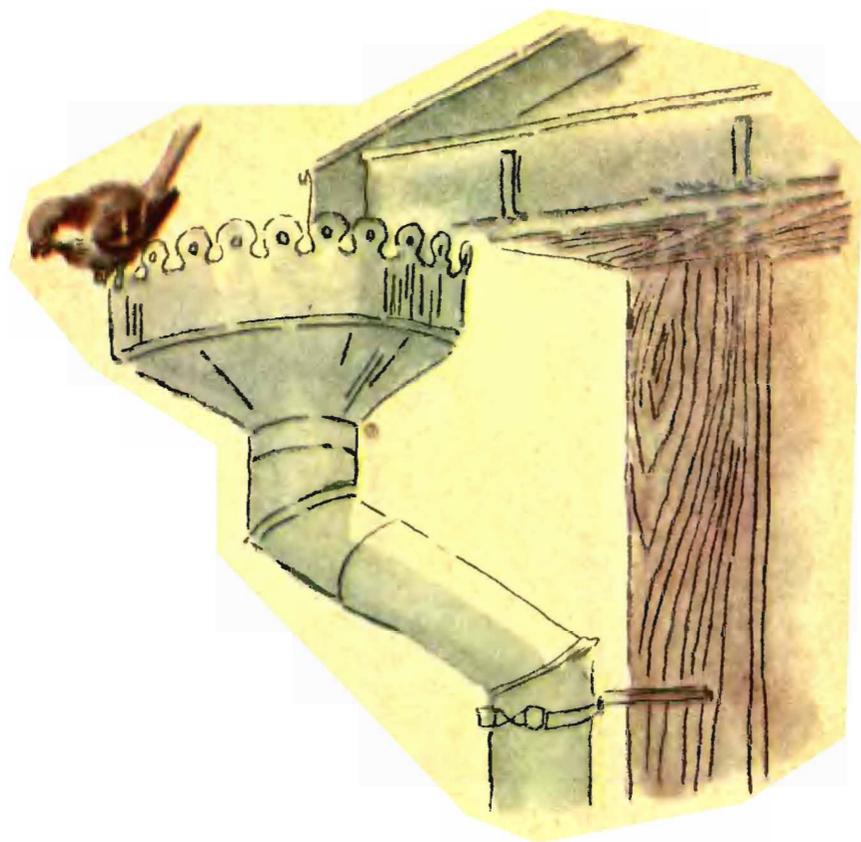

ДОМАШНИЙ ВОРОБЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ДОМАШНИЙ ВОРОБЕЙ

Рассказы

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1976

В этой книге вы прочитаете о домашних животных, но не о тех, которых человек приручил и заставил на себя работать: о лошади, о корове, о собаке или, наконец, о кошке.

Речь пойдёт о животных, которые поселились рядом с человеком или прямо в его доме, не считаясь с его волей и желанием. Это — ласточки, воробьи, галки, мыши и многие другие.

Конечно, их можно назвать домашними с оговоркой, но всё же они живут возле человека, кормятся около него, иногда бывают и полезны. Издавна сопутствуя человеку, как бы навязывая ему своё присутствие, они стали героями сказок, песен, рассказов.

В этой книге собраны рассказы о галке, о ласточке, о мышах, о воробьях.

РИСУНКИ Н. ЛЕВИНСКОЙ

70802—484
Д—————225—76
М101(03)76

© ИЛЛЮСТРАЦИИ.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». 1976 г.

ГАЛКА

У брата с сестрой была ручная галка. Она ела из рук, давалась гладить, улетала на волю и назад прилетала.

Вот раз сестра стала умываться. Она сняла с руки колечко, положила на умывальник и намылила лицо мылом. А когда она мыло сполоснула — поглядела: где колечко? А колечка нет.

Она крикнула брату:

— Отдай колечко, не дразни! Зачем взял?

— Ничего я не брал, — ответил брат.

Сестра поссорилась с ним и заплакала.

Бабушка услышала.

— Что у вас тут? — говорит. — Давайте мне очки, сейчас я это кольцо найду.

Бросились все искать очки — нет очков.

— Только что на стол их положила, — плачет бабушка. — Куда им деться? Как я теперь в иголку вдену?

И закричала на мальчика:

— Твои это дела! Зачем бабушку дразнишь?

Обиделся мальчик, выбежал из дому. Глядит — а над крышей галка летает и что-то у неё под клювом блестит. Пригляделся — да это очки! Спрятался мальчик за дерево и стал глядеть. А галка села на крышу, огляделась, не видит ли кто, и стала очки на крыше клювом в щель запихивать.

Вышла бабушка на крыльцо, говорит мальчику:

— Говори, где мои очки!

— На крыше! — сказал мальчик.

Удивилась бабушка. А мальчик полез на крышу и вытащил из щели бабушкины очки. Потом вытащил оттуда и колечко. А потом достал стёклышек, а потом разных денежек много штук.

Обрадовалась бабушка очкам, а сестра колечку и сказала брату:

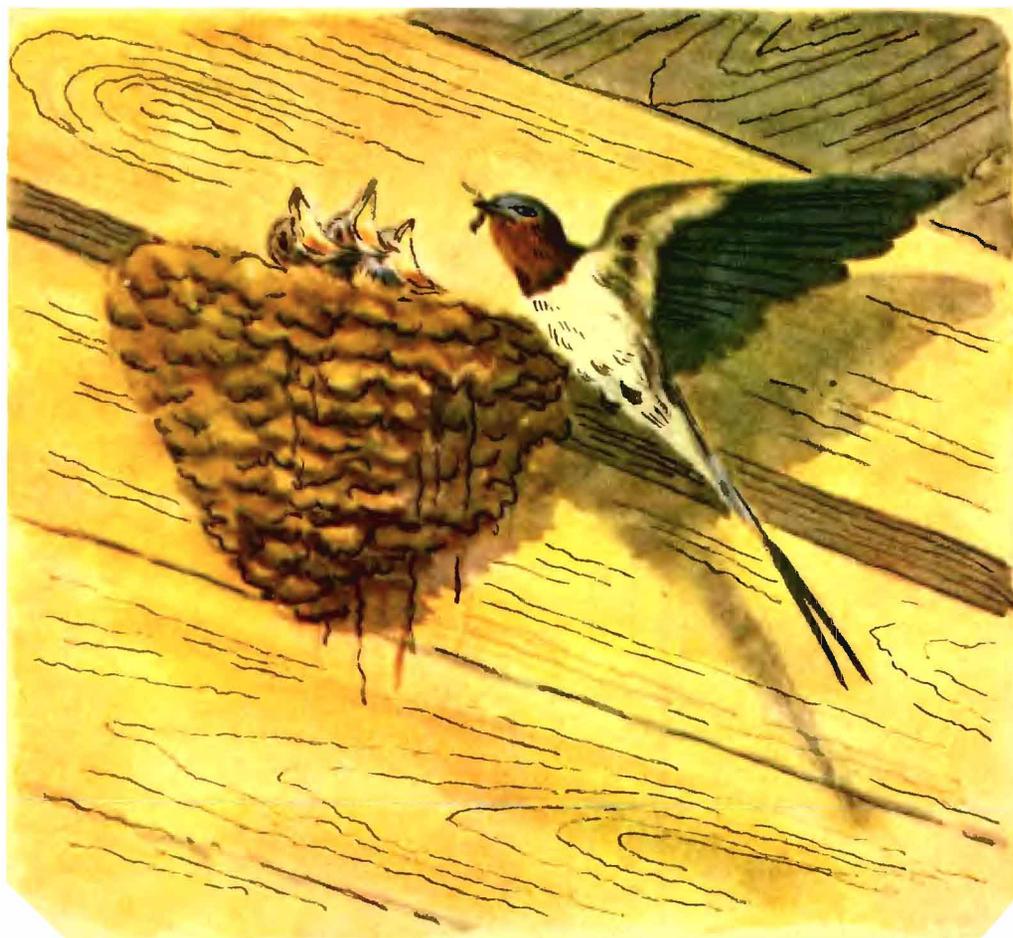
— Ты меня прости, я ведь на тебя подумала, а это галка воровка.

И помирилась с братом.

Бабушка сказала:

— Это всё они, галки да сороки. Что блестит, всё тащат.

Б. Житков

ЛАСТОЧКА

Мальчик осенью хотел разорить прилепленное под крышей гнездо ласточки, в котором хозяев уже не было: почуяв приближение холодов, они улетели.

— Не разоряй гнезда, — сказал мальчику отец, — весной ласточка опять прилетит, и ей будет приятно найти свой прежний домик.

Мальчик послушался отца.

Прошла зима, и в конце апреля пара острокрылых, красивеньких птичек, весёлых, щебечущих, прилетела и стала носиться вокруг старого гнёздышка.

Работа закипела; ласточки таскали в носиках глину и ил из ближнего ручья, и скоро гнёздышко, немного попортившееся за зиму, было отделано заново. Потом ласточки стали таскать в гнездо то пух, то пёрышко, то стебелёк моха.

Прошло ещё несколько дней, и мальчик заметил, что уже только одна ласточка вылетает из гнезда, а другая остаётся в нём постоянно.

«Видно, она наносила яичек и сидит теперь на них», — подумал мальчик.

В самом деле, недели через три из гнезда стали выглядывать крошечные головки. Как рад был теперь мальчик, что не разорил гнёздышка!

Сидя на крылечке, он по целым часам смотрел, как заботливые птички носились по воздуху и ловили мух, комаров и мошек. Как быстро сновали они взад и вперёд, как неутомимо добывали пищу своим деткам!

Мальчик дивился, как это ласточки не устают летать целый день, не приседая почти ни на одну минуту, и выразил своё удивление отцу. Отец достал чучело ласточки и показал сыну:

— Посмотри, какие у ласточки длинные, большие крылья и хвост в сравнении с маленьким, лёгким туловищем и такими крошечными ножками, что ей почти не на чем сидеть; вот почему она может летать так быстро и долго. Если бы ласточка умела говорить, то такие бы диковинки рассказала она тебе — о южно-русских степях, о крымских горах, покрытых виноградом, о бурном Чёрном море, которое ей нужно было пролететь, не присевши ни разу, о Малой Азии, где всё цвело и зеленело, когда у нас

выпадал уже снег, о голубом Средиземном море, где пришлось ей раз или два отдохнуть на островах, об Африке, где она вила себе гнёздышко и ловила мошек, когда у нас стояли крещенские¹ морозы.

— Я не думал, что ласточки улетают так далеко, — сказал мальчик.

— Да и не одни ласточки, — продолжал отец, — жаворонки, перепела, дрозды, кукушки, дикие утки, гуси и множество других птиц, которых называют *перелётными*, также улетают от нас на зиму в тёплые страны. Для одних довольно и такого тепла, какое бывает зимою в южной Германии и Франции, другим нужно перелететь высокие снежные горы, чтобы приютиться на зиму в цветущих лимонных и померанцевых рощах Италии и Греции; третьим надобно лететь ещё дальше, перелететь всё Средиземное море.

— Отчего же они не остаются в тёплых странах целый год, — спросил мальчик, — если там так хорошо?

— Видно, им недостаёт корма для детей или, может быть, уж слишком жарко. Но ты вот чему подивись: как ласточки, пролетая тысячи четыре вёрст², находят дорогу в тот самый дом, где у них построено гнездо?

К. Ушинский

¹ Крещённые. Крещенье — старинный зимний праздник. Обычно на крещенье стояли сильные морозы.

² Вёрста — старинная мера длины, немногим более километра.

РУСАК

Заяц-русак¹ жил зимою подле деревни. Когда пришла ночь, он поднял одно ухо, послушал; потом поднял другое, поводит усами, понюхал и сел на задние лапы. Потом он прыгнул раз-другой по глубокому снегу и опять сел на задние лапы и стал оглядываться. Со всех сторон ничего не было видно, кроме снега. Снег лежал волнами и блестел,

¹ Заяц-русак — серый заяц, сохраняющий одну окраску шерсти зимой и летом.

как сахар. Над головой зайца стоял морозный пар, и сквозь этот пар виднелись большие яркие звёзды.

Зайцу нужно было перейти через большую дорогу, чтобы прийти на знакомое гумно¹. На большой дороге слышно было, как визжали полозья, фыркали лошади и скрипели кресла в санях².

¹ Гумно — крытое помещение для хранения снопов.

² Кресла в санях — приспособление из трёх брусьев, прикрепляемых к задней части саней или телеги для перевозки большой клади.

Заяц опять остановился подле дороги. Мужики шли подле саней с поднятыми воротниками кафтанов. Лица их были чуть видны. Бороды, усы, ресницы их были белые. Изо ртов и носов их шёл пар. Лошади их были потные, и к поту пристал иней. Лошади толкались в хомутах, ныряли, выныривали в ухабах. Мужики догоняли, обгоняли, били кнутами лошадей. Два старика шли рядом, и один рассказывал другому, как у него украли лошадь.

Когда обоз проехал, заяц перескочил дорогу и

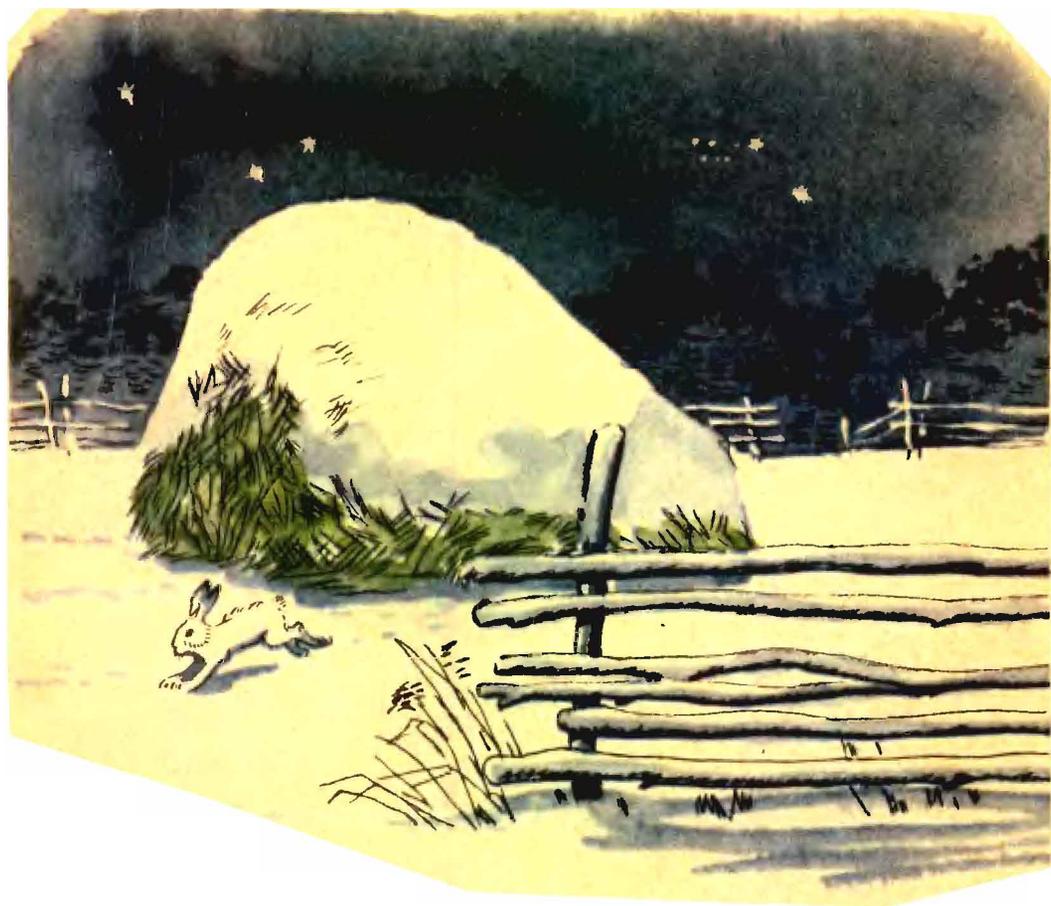
полегоньку пошёл к гумну. Собачонка от обоза увидала зайца. Она залаяла и бросилась за ним. Заяц поскакал к гумну по субоям¹; зайца держали субои, а собака на десятом прыжке завязла в снегу и остановилась. Тогда заяц тоже остановился, посидел на задних лапах и потихоньку пошёл к гумну. По дороге он, на зеленях², встретил двух зайцев.

¹ Субои — сугробы.

² Зеленя — поля со всходами озими (посеянной осенью, под снегом).

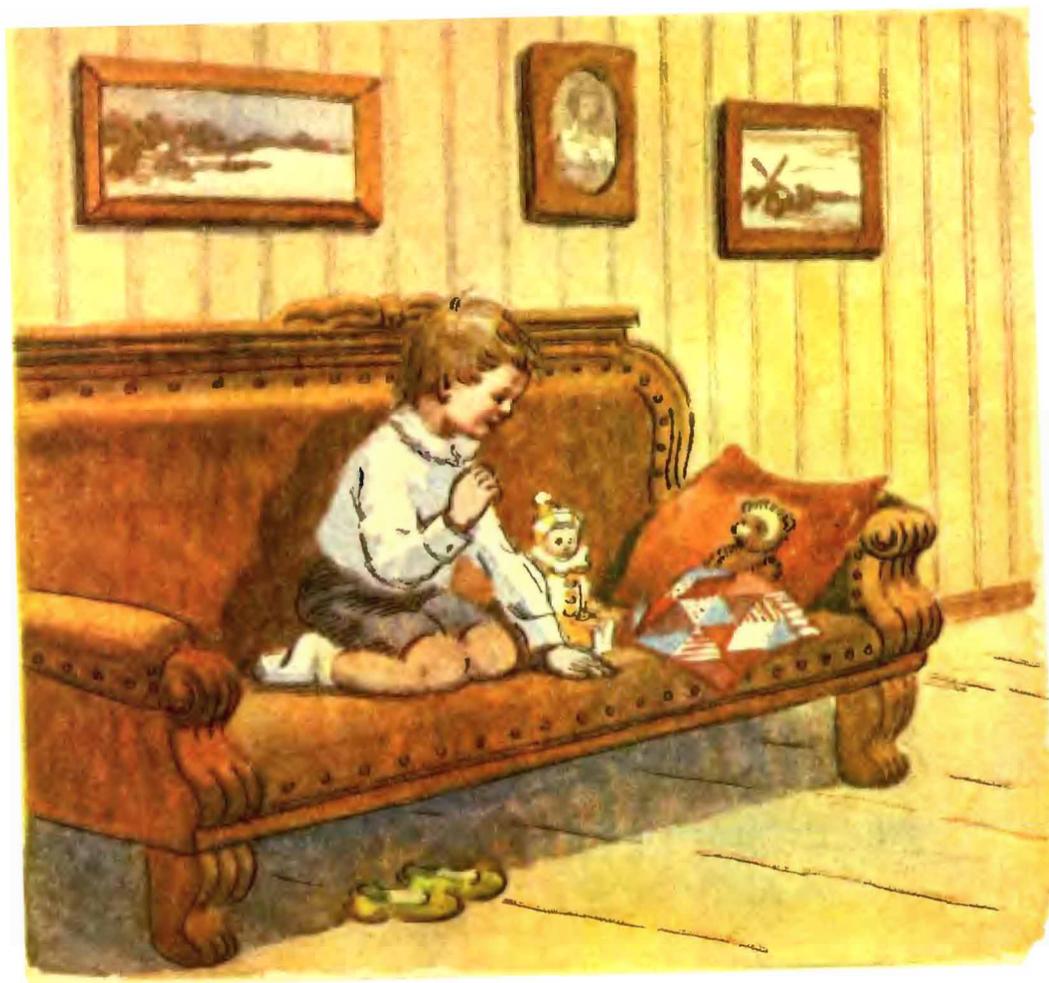
Они кормились и играли. Заяц поиграл с товарищами, покопал с ними морозный снег, поел озими и пошёл дальше. На деревне было всё тихо, огни были потушены. Только слышался на улице плач ребёнка в избе да треск мороза в брёвнах изб. Заяц прошёл на гумно и там нашёл товарищей. Он поиграл с ними на расчищенном току, поел овса из начатой кладушки, взобрался по крыше, занесённой снегом, на овин и через плетень пошёл назад к своему оврагу. На востоке светилась заря, звёзд стало меньше, и ещё

гуще морозный пар подымался над землёю. В ближней деревне проснулись бабы и шли за водой; мужики несли корм с гумен, дети кричали и плакали. По дороге ещё больше шло обозов, и мужики громко разговаривали.

Заяц перескочил через дорогу, подошёл к своей старой норе, выбрал местечко повыше, раскопал снег, лёг задом в новую нору, уложил на спине уши и заснул с открытыми глазами.

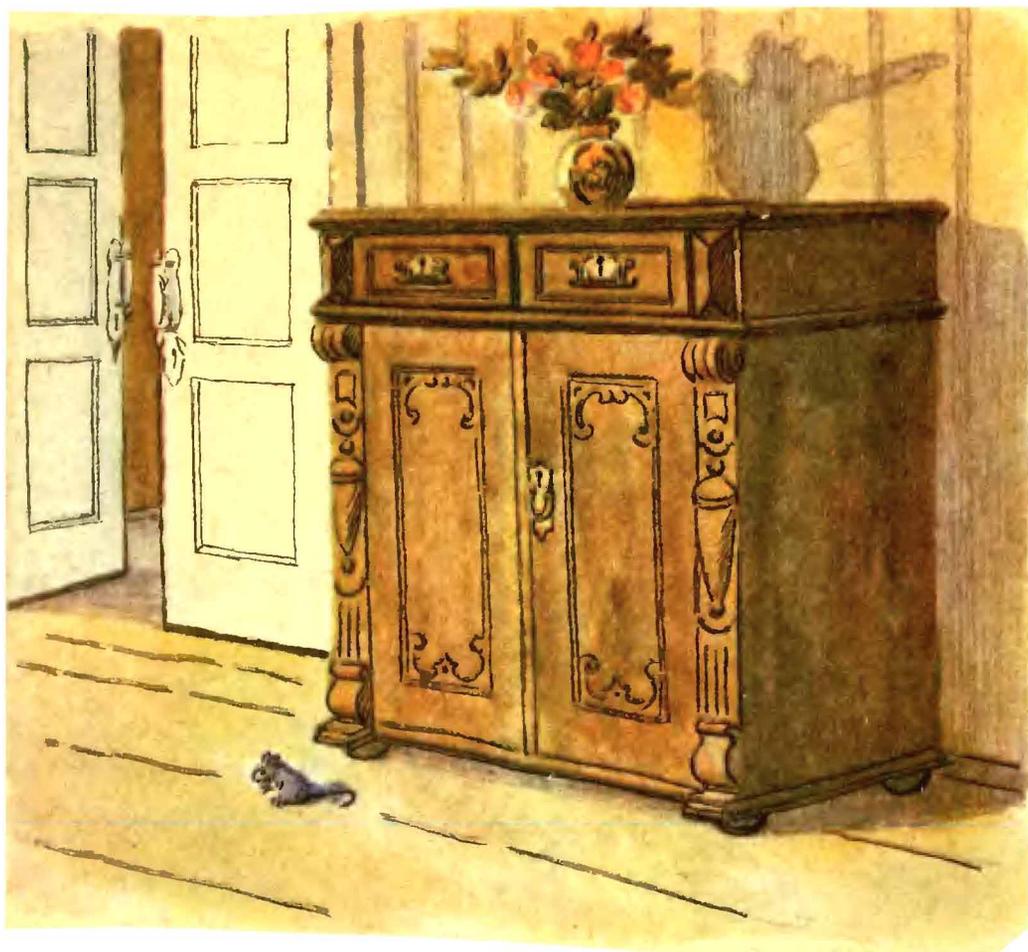
Л. Толстой

МЫШЬ

Когда-то, давно-давно, старая няня, укачивая меня, рассказывала сказку про муху-бабуху и мышью-говоруху.

Я был тогда очень маленький и не умел ещё как следует говорить, но помню, что сказочка няни не дала мне спать до самой полуночи. Так мне захотелось видеть эту мышью-говоруху. Расспросить няню

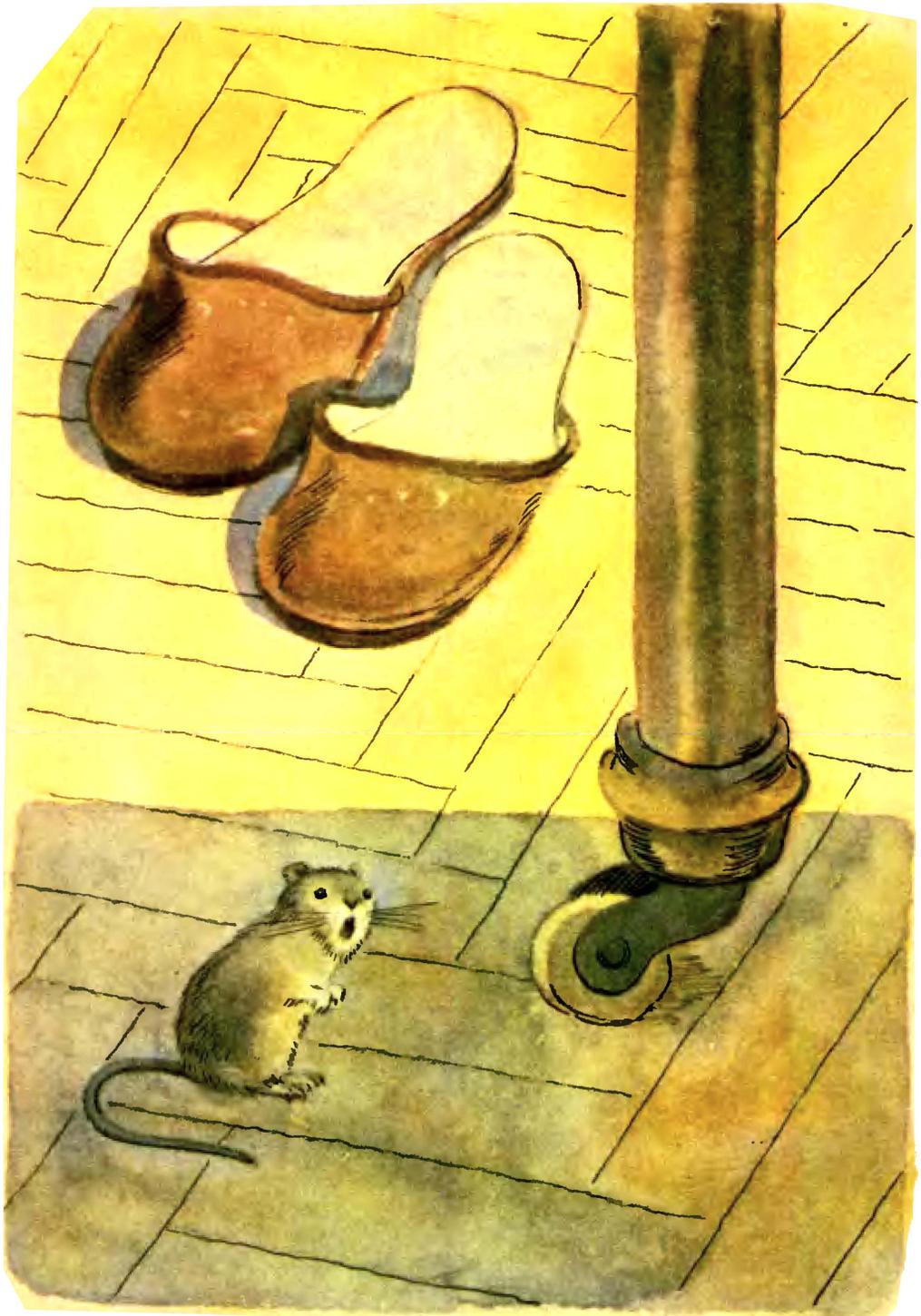
я не умел и решительно не знал, кто это такая мышь-говоруха. Долго ли, коротко ли прошло, уж не помню, только сидел я раз на мягком диване и играл своими куколками. Няня вышла зачем-то. Остался я один. Вдруг из-под комода выставилась мордочка, хорошенькая, серенькая, с чёрными глазками, с ушками-торчушками. Я испугался и притих. Немного погодя мордочка зашевелилась, высунулась вперёд; показалась серая спинка и длинный хвостик.

Мне ужасно захотелось схватить её. Но только что я пошевелился, чудный зверёк пропал. Ах, как мне было досадно! Приходит няня, я рассказываю ей, что видел. «Да это мышка», — говорит. Так вот она какая, мышь-говоруха! С тех пор я стал отчаянным мышеловом. Я пускал в ход всякие ловушки для ловли мышей. Много раз держал их в клетках или между оконными рамами. Но прошло много лет прежде, нежели я познакомился с мышью-говорухой. Я даже забыл сказочку няни, зато могу сказать вам, что мышь-говоруха, мышь-певунья действительно есть. Это так называемая певчая мышь.

Лет двадцать назад, поздно вечером, читал я книгу, все уже спали в доме; царила глубокая тишина. Вдруг слышу: раздаются какие-то странные звуки, похожие на пение птицы.

Прислушиваюсь внимательнее — поёт в моей комнате, как раз под шкафом с книгами. Только что я пошевелился — песня смолкла. Я притих, и минут через пять снова раздались весёлые трели, но на этот раз уже под кроватью. Сомнение исчезло. Это мышка-певунья, мышь-говоруха, которую я тщетно искал много лет; и я дал себе слово поймать её во что бы то ни стало. Расставил ловушки и в следующие дни поймал несколько мышей, посадил их в клетки, но — увы! — они не пели. Наконец счастье улыбнулось мне. Мышка-певунья была поймана, посажена в клетку и не замедлила выказать свой музыкальный талант. Ничего в ней особенного не было. Мышь как мышь: здоровая, бойкая. Она жила у меня больше полугода; скоро привыкла, сделалась ручной, но только всякий внезапный шум пугал её.

Она устроила себе гнёздышко из ваты, которую я положил в клетку, и сидела в нём целые дни молча; но как только наступит вечер, утихнет шум,

улягутся спать — мышка выходила из гнезда, ела, пила, чистила свою мордочку и шубку, проворно лазала по клетке и пела, да так хорошо, что издали можно было принять её за птицу. Забавно бывало смотреть на неё, когда она усядется на задних лапках и начнёт выводить свои трели. Я показывал её многим как диковину, и все убеждались, что действительно есть поющие мыши. Но объяснить этого странного явления никто не мог. Я и сам не понимал его долго.

Дело объяснилось, однако, случайно, но вместе с тем очень просто.

Во время моего путешествия в Хиву, через пустыню Кызылкум, наш караван остановился на отдых среди холмов сыпучего песка, около колодца. Страшная жара утомила и нас и животных. Я слез с лошади и, в то время как развьючивали верблюдов и готовили обед, прилёг на войлоке отдохнуть. Вдруг слышу знакомое пение, очень похожее на пение моей мышки. Смотрю: около норки, на склоне песчаного бугра, сидит маленький рыжий зверёк с пушистым хвостиком, сидит на задних лапках, поглядывает по сторонам и распевает.

Это была песчанка — один из тех мелких зверьков, которые во множестве живут в песчаных пустынях.

Песчанки очень похожи на мышей, но они крупнее и хвост их покрыт пушистой шерстью. Они питаются семенами саксаула и других пустынных растений. Живут в норах, которые вырывают в песке, целыми семействами и колониями. Наевшись, песчанки резвятся, бегают по песку, играют между собой, точь-в-точь как наши мыши. Но в это время на вершине холма, недалеко от норы сидит непременно старая песчанка. Это часовой, который зорко стережёт врага и в то же время распевает свою песенку.

Вот из-за соседнего бугра выглянула хитрая мордочка, с зелёными лукавыми глазами, с большими ушами. Она то покажется, то исчезнет. Заметил её часовой, свистнул, бросился в нору — и мигом скачут туда же песчанки. Выскочил из засады корсак — маленькая степная лисичка, но уже поздно, поживы нет; не достать ему песчанок в глубокой норе. Плётётся голодный корсак дальше, авось где-нибудь попадётся песчанка. С наступлением зимы многие

песчанки, побуждаемые голодом и холодом, забираются в кибитки кочевников; там эти зверушки заменяют наших мышей. Но здесь вы не услышите их песен; вы не увидите их днём. Они прячутся и живут молча, стараясь не выдать себя, и выходят грабить хозяйское добро только ночью. Точь-в-точь наши мыши.

Вы догадаетесь, что песня мышки есть старая привычка её диких предков; когда мыши жили вдали

от человека, они пели подобно песчанкам; но, поселившись в домах, мыши утратили эту особенность.

Но наследственность привычек так велика, что она иногда проявляется у мышей, правда, у немногих. Эти-то мыши-певуньи и послужили для сказки о мышке-говорухе, которую мне рассказывала старая няня.

М. Богданов

ДОМАШНИЙ ВОРОБЕЙ

Повадился вор-воробей
Летати.
Мою конопельку, мою зелененьку
Клевати.

(Народная песня)

Подумаешь, за что такая честь? Попал в песню, да ещё вором. Так и народ смотрит на беднягу, как на завязанного вора. Но вор ли действительно воробей — вот вопрос!

Как хотите, но я с этим не согласен. Воробей — честный работник; он исправно трудится на своего хозяина; он приносит ему много пользы; и за это-то его гонят везде, бранят воров и не любят! Виноват ли он, что его труды не хотят ценить и что его вынуждают воровать? Да он и не ворует, а берёт только своё. Если не верите, узнайте поближе жизнь воробья.

На дворе весна. Капает, течёт с крыш, шумит вода по желобам. Струйки воды бегут по тротуарам. Грязный снег на улицах с каждым часом делается ещё грязнее. Идёт весна! Каждый старается принарядиться в самое лучшее платье для встречи весны. Даже воробьи и те хотят встретить весну попараднее. Всюду ещё снег. Как только побежали по нему первые струйки, как только слились они в первые крошечные лужицы на поверхности грязной улицы, в колеях, пробитых санями, — воробьи недолго думая начинают купаться. Им хочется пообчистить своё серенькое платье для встречи весны.

Всмотритесь, ведь это не тот воробей, которого вы видели зимой. У зимнего воробья клюв был жёлтый, а теперь он почернел. Зимой воробей был крайне неуклюж; он ерошил свои перья, чирикал редко, больше всё хмурился. А теперь его не узнаешь. Словно он причесался после ванны: пёрышки блестят, лежат плотно, и весь воробей выглядит таким ловким франтом. Говорлив стал просто на удивленье.

Полюбуйтесь, вот он на крыше: хвост поднят вверх, крылышки опущены, с задорным видом поглядывают глазки направо и налево.

Чип! чип! чип! Он скачет, как сорока, вертится, и нет ему покоя целый день. Встретится товарищ, вместе с которым он неделю назад искал мирно крошки хлеба около кухни, — теперь и не подходи

близко. Сойдутся два воробья — мигом завяжется драка. Из-за чего они дерутся — не будем разбирать, это их дело.

Весна идёт без остановки, тает снег, бежит вода по улицам. Оголилась земля. Пробивается молодая зелёная травка. Глядь — наш воробей уж не один: У него есть подружка, с которой он шныряет по улице, по саду, по дворам: тут съест крошку, там раздобудет зёрнышко. Но главная его забота теперь не в этом.

Он собирает разные редкости: в саду или на лужайке схватит сухую травинку; около конюшни зацепит конский волос; на скотном дворе подхватит клочок овечьей шерсти; в курятнике поживится пёрышком; из кучи сора вытащит тряпочку, мочалину, бумажку.

Ему всё это нужно, всё это он тащит куда-нибудь в укромный уголок — в карниз дома, в трещины каменной стены, за наличник окна, в дупло дерева, в скворечницу или же в гнездо ласточки. И из всех этих редкостей устраивается беспорядочная куча хлама, которую называют воробьиным гнездом.

Пройдёт ещё немного времени, и на этой куче хлама окажется шесть, семь или восемь пёстрых яичек. Серенькая воробиха усаживается на них, греет их своим маленьким телом и день и ночь; а вор-воробей самодовольно чирикает возле неё и поглядывает по сторонам, чтобы стащить, что плохо лежит.

За всё это время, с самого начала весны и до начала мая, нам решительно не за что упрекнуть воробья. Он берёт только то, что выбрасывают, что никому не нужно; но ведь это не воровство.

Посмотрим дальше. Едва оделся лес, не успели ещё прилететь последние вешние птицы, а в гнезде

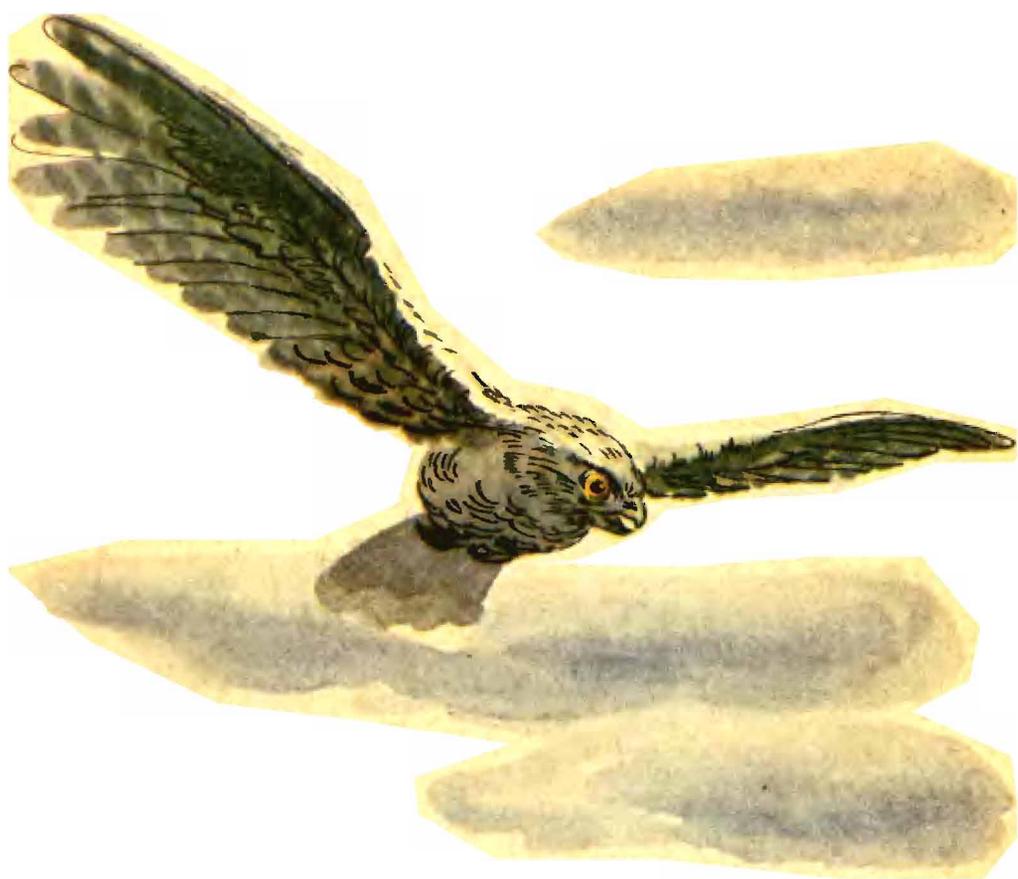
воробья вместо яичек уже сидят пискливые крошечные воробьята.

Тут-то забот отцу и матери! С раннего утра и до позднего вечера снуют они около дома, по огороду, в саду, в ближайших полях и лугах, на дворе, на улице — ищут корму, но только не зёрен; птенчики их слабы, малы, они не в силах проглотить жёсткого зерна: им нужны те мягкие, сочные червячки, которые ползают по листьям трав и деревьев и поедают их; а червячки эти не что иное, как гусеницы пёстрых, красивых бабочек, мух и жучков. Их-то и отыскивают теперь воробьи. Поймав гусеницу, воробей летит к гнезду, суёт её в рот голодному воробьёнку и снова летит на промысел, да так целый весенний день. А этот день длится часов шестнадцать. Сколько же тысяч гусениц перетаскает пара воробьёв в это время?

Ловлей гусениц занимаются воробьи добрые две-три недели, пока воробьята вырастут и оперятся.

Вот наконец настал желанный день! Детки выросли, оперились, вылетели из гнёздышка. Весёлой кучкой сидят они на заборах, в аллеях садика, между грядок огорода; чирикают без умолку, а как только увидят отца или мать, откроют жёлтые рты, зачирикают ещё пуще — значит, пожалуйста червячка!..

Я и до сих пор очень люблю эти дни воробьиной жизни. Хитрые старики заведут воробьят в такое местечко, где они легче всего могут избежать врагов. А для этого нет им лучше притона, как песчаная дорожка в садике, окаймлённая кустами акации. Заведут они туда своих воробьяток, а сами начнут промышлять корм для них. Иногда на одной дорожке соберётся несколько выводков, и она сделается настоящим воробьиным детским садом, а долж-

ность воспитателя исполняет один из старших воробьёв — по очереди.

Молодые воробышки беззаботно чирикают, купаются в песке, прыгают по дорожке, а старый воробей усядется на самую высокую ветку акации и зорко смотрит во все стороны; в это время прочие воробьи торопливо таскают гусениц и кормят своих детёнышей.

Воробей-сторож невозмутим; он не бросится даже на самую жирную гусеницу, хотя бы она ползла по самой ближайшей ветке; это самый примерный часовой. Но зато его и слушаются все. За-

кричит он: «Чр-ррр... чр-ррр!» — и всё, что беззаботно скакало по дорожке, чиликало и прыгало, с шумом бросается в самую чащу кустов акаций или сирени. В минуту всё смолкнет. Ни звука, ни шелеста. Только часовой сидит на вершине; он закричал, но не пошевелился; он увидал врага и следит за ним.

А этот враг лютый, злой, беспощадный — это ястреб-перепелятник. Давно ещё заметил его воробей; ещё там, вдали, когда он неслышным полётом вывернулся из-за крайней избы и направился по задворкам. Суший разбойник! Перья серые, не

блестящие, в которых лучше всего укрываться вору; а укрываться он и без того мастер. Он летит около заборов, между деревьев; свернёт вдруг в сторону, взмахнёт кверху и оглянет всё быстро своими жёлтыми глазами.

Горе зазевавшейся птичке! Стрелой налетит на неё разбойник, всадит когти — и пропала бедняга.

Но не таков наш воробей, чтобы поддаться ястребу. Из сотни разных птиц едва ли удастся ему схватить хотя одного воробья.

Умён и осторожен наш плут. Да, кроме того, у него есть кума ласточка, востроглазая, быстрокрылая; воробей знает, как она крикнет, если увидит ястреба. Но вот он и сам увидел его. Ястреб ближе, ближе; воробей всё сидит. Воробьята ни гугу, как будто и нет их; а часовой всё сидит на ветке. Заметил его ястребиный глаз, взмахнул лесной разбойник крыльями — раз, два, только бы вот впустить когти, — а воробья уж нет. Камнем упал он в куст акации, а на его месте очутился ястреб. Сидит дурак дураком; вцепились когти в зелёную ветку и замерли. Досада гложет хищника, а ласточки ещё издеваются: чивит... чивит... и одна за другой подлетают к нему.

Зло смотрят на них и кругом жёлтые глаза: знает ястреб, что тут целая сотня воробьёв сидит в чаще ветвей, да где же их достать? Встряхнулся и полетел дальше. Если бы он оглянулся назад — на его месте опять сидит часовой-воробей, а на дорожку с шумом вьсыпала из зелёной листвы целая толпа воробьят.

Недаром я назвал эту аллею воробьиным детским садом. Когда-нибудь присмотритесь к воробьятам в то время, как они только что покинут гнездо. Какие это простаки и дурачки, неловкие, доверчивые, крикливые. И ноги и крылышки ещё плохо

служат им. Это такие же увальни, как наши Коли и Мити, когда те только что начинают ходить. Но посмотрите на воробьят три-четыре дня спустя, в их детском саду. Вот они роются на дорожке в песке. Это уже не увальни, не простаки. Чуть раздастся крик их часового — полюбуйтесь, как они ловко шнырнут в кусты, спрячутся там и замолкнут.

В эти немногие дни они лучше нас с вами выучили азбуку воробьиной жизни. Пройдёт ещё несколько дней — старые воробьи и воробьихи научат их всему, что нужно знать образованному воробью. Они выведут их на лужайку и научат ловить жучков, бабочек, гусениц. Они вызовут их из кустов на проезжую дорогу и научат разыскивать хлебные зёрнышки. Они поведут их в сад, в огород, на гумно, покажут им, как там нужно хозяйничать, растолкуют, кого бояться, где прятаться.

Наконец ученье кончено; молодые выросли: их не отличишь от старых. Тогда собирается семейный совет. Старики прощаются с детками и говорят: «Вы теперь большие, живите как хотите, мы всему вас научили», — и воробьиная семья разлетается врозь.

М. Богданов

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Б. Житков.</i> ГАЛКА	3
<i>К. Ушинский.</i> ЛАСТОЧКА	6
<i>Л. Толстой.</i> РУСАК	10
<i>М. Богданов.</i> МЫШЬ	16
<i>М. Богданов.</i> ДОМАШНИЙ ВОРОБЕЙ	24

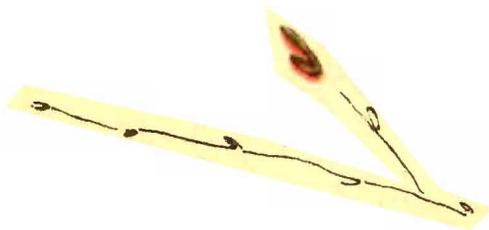
Для начальной школы

ДОМАШНИЙ ВОРОБЕЙ

Рассказы

Ответственный редактор *Г. И. Гусева* Художественный редактор *Б. А. Дехтерёв*. Технический редактор *Н. Г. Мохова*. Корректор *Л. М. Агафонова*.

Сдано в набор 29/III 1976 г. Подписано к печати 8/VII 1976 г. Формат 70×100^{1/16}. Бум. офс. № 2. Печ. л. 2. Усл. печ. л. 2,6. Уч.-изд. л. 2,03. Тираж 1 500 000 экз. Заказ № 202. Цена 15 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Д 66 **Домашний воробей.** Рассказы. Рис. Н. Левинской. М., «Дет. лит.», 1976.

32 с. с ил. (Школьная б-ка «Читаем сами»).

В книге пять рассказов о животных, поселившихся по соседству с человеком. Это рассказы о галке, о ласточке, о зайце, о мышках, о воробьях Л. Толстого, К. Ушинского, М. Богданова, Б. Житкова.

70802—484

Д—————225—76

М101(03)76

Р

Серия «ЧИТАЕМ САМИ»

ДОРОГИЕ ПЕРВОКЛАССНИКИ!

Издательство «Детская литература» выпускает для вас серию книг «**Читаем сами**».

В 1976 году в этой серии выйдут следующие книги:

ПРИМЕТЫ ОСЕНИ.

Стихи, рассказы, сказки

ДВА МОРОЗА.

Стихи, рассказы, сказки

**СКУЧЕН ДЕНЬ ДО ВЕЧЕРА,
КОЛИ ДЕЛАТЬ НЕЧЕГО.**

Рассказы

Лесков Н.

НЕРАЗМЕННЫЙ РУБЛЬ.

Рассказы

**ДЕЛУ ВРЕМЯ,
ПОТЕХЕ ЧАС.**

Стихи, рассказы, поговорки,
песни, приметы

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Стихи

КАК МУЖИК ГУСЕЙ ДЕЛИЛ.

Русские народные сказки

Ушинский К.

СУМКА ПОЧТАЛЬОНА.

Рассказы

Обращайтесь за этими книгами в свои школьные и районные библиотеки.

